

ЖУРНАЛЪ
ВЕРШОКЪ

Литературно-художественный

№ 17.

Пасхальный.

1915 г.

ВЕРШОКЪ

Еженедѣльный иллюстрированный журналъ художественной литературы и сатиры.

Выходить по вторникамъ.

Въ журналѣ принимаютъ участие литераторы: Леонидъ Андреевъ, Сергѣй Ауслендеръ, Анна Ахматова, В. Бесгуевъ, Александръ Блокъ, Ю. Верховскій, В. Воиновъ, З. Н. Гиппиусъ, Владимиръ Гордигъ, Н. Гумиловъ, И. Гуревичъ, Л. Добронравовъ, О. Л. Доръ, Т. Ефимова, Вячеславъ Ивановъ, Рюрикъ Ивневъ, М. И. Псаевъ, Д. Крачковскій, Д. С. Мережковскій, О. Миртова, М. Моравская, Д. Мусинъ, П. П. Потемкинъ, М. Пришвинъ, В. Пастъ, А. Ремизовъ, Борисъ Садовскій, Ю. Слезкинъ, П. С. Соловьева (Аллегро), Федоръ Сологубъ, Теффи, А. Тиняковъ, Н. Фалбевъ (Чужъ-Чуженинъ), А. Чаныгинъ, А. Чеботаревская, К. И. Чуковский, Георгій Чулковъ, Ф. Шекондинъ, Иер. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Художники: Н. Л. Аронсонъ, А. Е. Архиповъ, А. Ф. Аванасьевъ, Альбертъ Бенуа, Б. Бобровскій, Н. П. Богдановъ-Бѣльскій, И. И. Бродскій, А. Е. Бѣлогрудъ, В. М. Быстренинъ, С. А. Виноградовъ, К. И. Горбатовъ, И. М. Грабовскій, Г. Н. Горбловъ, С. Ю. Жукowski, К. В. Дыдышко, Е. А. Кисилева, К. А. Коровинъ, М. И. Курилко, А. Б. Лаховскій, А. Линдеманъ, Г. К. Лукомскій, А. М. Любимовъ, А. Ф. Максимовъ, С. В. Малютинъ, В. Масютинъ, А. А. Мурашко, И. Г. Мясофдовъ, И. П. Пахитоновъ, Л. О. Пастернакъ, В. Плотниковъ, А. А. Радаковъ, Н. К. Рерихъ, А. А. Рыловъ, П. Е. Рѣпинъ, Ю. И. Рѣпинъ, А. И. Савиновъ, А. В. Скалонъ, В. Д. Фалбевъ, Н. И. Фешинъ, И. А. Фоминъ, Н. В. Харитоновъ, Н. П. Химона, В. Я. Чемберсъ, Ф. И. Шаланинъ, П. Д. Шмаровъ, А. Р. Эберлингъ, А. Эйсперъ, К. Ф. Юонъ.

Подписная цѣна съ пересылкой:

за годъ за 1/2 г. за 3 м. и за 1 м.
6 р.; 3 р.; 1 р. 75 к. 75 к.

Цѣна номера въ отдѣльн. продажѣ 15 к.

Редакторъ-Издатель Д. М. Гутзацъ.

Редакция—Петроградъ, Воскрес. наб., 26.
Тел. № 410-98. Приемъ ежедн. отъ 3—5 ч.
Контора—Шпалерная, 26. Тел. № 18-68.
Открыта отъ 11 ч. у. до 6 ч. в.

Рукописи, прислан. безъ указанія условий, отдѣливаются по усмотрѣнiю редакцiи.

Зав. худ. отдѣл. И. И. Бродскій.

„Въ Царствѣ Тайны“.

СБОРНИКЪ НОВѢЙШИХЪ РАЗСКАЗОВЪ.

А. Конанъ-Дойль: «Умирающій Сыщикъ», «Тайна Воздуха» и «Местъ Океана». Арт. Морриссонъ: «Призракъ Смерти». Джекъ-объ: «Пророкъ». Филицотъ: «Подъ поѣздомъ». Ришаръ О'Монруа: «Лиловое домино». Робертъ Стивенсонъ: «Похитители труповъ». Уэльсъ: «Грядущая опасность». В. Рудинъ: «Тайна флигеля» и «Загадочное объявленiе».

Переводъ РУДИНА.

Цѣна 1 руб.

Изданiе Д. М. ГУТЗАЦА.

Петроградъ, Шпалерная, 26.

ПРОДАЖА ДАЧНЫХЪ УЧАСТКОВЪ

въ ПОСЕЛКАХЪ АКЦ. О-ВА СТРОИТЕЛЬ

„ТАВРИДА“ и „ФАВОРИТО“

БЛИЗЪ СТ. ЛИГОВО, БАЛТ. ЖЕЛ. ДОР.

Общедоступныя цѣны, самая льготная разсрочка исключительно удобныя сообщенiя съ Петроградомъ, 17 мин. ъзды отъ Петрограда по Балт. ж. д. поѣзда каждыя 10—15 мин. Строится Ораниенб. эл. трам. съ остан. у самаго поселка, 20 мин. ъзды отъ Петрограда на автомобилѣ по превосходн. Петергофск. шоссе; мѣстность высокая, здоровая, чудный сосновый лѣсъ, историческiе пруды и постройки врем. Ек. II. Вводится полное благоустройство: водопров., канализация, электрич. осв., собств. трамвай для соединенiя жел. дор. съ Оранб. эл. трамваемъ, временное автомобильное сообщенiе, театр, гимназия и пр.

На вокзалѣ постоянно дежуритъ проводникъ въ спец. формѣ.

Справки: 1) Глав. Конт. Акц. О-ва «Строитель», Каменноостров. пр., № 26. Тел. №№ 45-48, 569-89. Завѣдывающій поселк. отд. землемѣръ К. Мадичъ. 2) Лигово, поселк. контора. Тел. Лигово 31.

свободный художникъ
С. О. ОСЛАНЪ

Художественный аккомпанементъ.
Разучиванiе оперныхъ партій.

Бронницкая, 19, кв. 19.
Тел. № 505-64.

«КРЫМЪ и КАВКАЗЪ»
Литейный, № 21.

Всевозможные любительскiе табакки, на разныя цѣны.

Въ оригинальныхъ упаковкахъ.

Журнал
ВЕРШОК

Литературно-художественный

№ 17.

Пасхальный

1915 г.

«Отъ заутрени».

Рис. А. Аонасьева.

ГОЛОСЬ.

Устало сердце отъ стenanій,
Отъ гула битвъ мой духъ поникъ.
Я сплю въ полночной Геосиманьи
Неупомянутый Твой ученикъ.

Мнѣ снятся вешніе просвѣты,
Заутрень звоны, взлетъ грачей.
Мнѣ шлетъ подснѣжные привѣты
На дно оврага прянувшій ручей.

Какъ въ дѣтствѣ, воскресенья радость
Поеть и углубляетъ тишь,
Но горько чувствую сквозь сладость,
Что надо мною скорбный Ты стоишь.

Не заглушать напѣвъ пасхальный
И щебетъ, поднятый весной,
Твой голосъ тихій и печальный:
«Не могъ и часа ты побдѣть со Мной».

И. Соловьева (Allegro)

БЪЛАЯ ПАСХА.

НАРОДНОЕ.

Какъ настанеть на Поморьѣ тѣмно^е время холодное, съ трескунами морозами—нѣтъ конца зимы. А придетъ Спиридонъ, стануть дни прибывать на овсяно зерно, тутъ подниметъ вѣтеръ и дуеть и дуеть, а за вѣтромъ—бѣлая кутня съ виньгомъ, со свистомъ, какъ закулелить: глазъ раскрыть не моги!

Попъ Вакулъ съ дьячкомъ Яковомъ только и знай, что печку топили. Да дрова-то попались не колки. Ужъ Яковъ языкъ отъ колокола отвязалъ, языкомъ по обуху колотилъ, такъ дрова и кололъ.

Печь ли жаркая, кутня ли бѣлая, выбили изъ ума дни у попа.

«Посту-то надо быть конецъ,—думаетъ Вакулъ, а когда Пасха, Господь вѣдаетъ!»

И посылаетъ дьячка.

— Сходи,—говорить,—Яковъ, къ попу Аникѣ на за-рѣку, спроси, когда Пасха?

А попъ Аника—за десять версть отъ Вакулы, и дѣло его ни чуть не лучше: до церкви не дойти, за снѣгъ запнешься. Попъ Аника о ту пору самъ задумался и своего дьячка шлетъ къ Вакулѣ за тѣмъ же.

Вотъ на полпути Яковъ и встрѣтилъ кума. И что имъ дѣлать, не знаютъ. Стали посередь дороги, смотрять, гдѣ на деревнѣ печь топится, и рѣшаютъ итти на дымокъ, спросить, не знаетъ ли кто изъ крещеныхъ. Идутъ по деревнѣ, а ужъ въ вечерахъ было, и видять, старуха Савиха молока кринку тащить.

— Бабушка, куда съ молокомъ-то бѣжишь?

— Что вы, дѣточки, вѣдь, завтра Пасха!

Кумъ—къ Аникѣ, Яковъ—къ Вакулѣ.

Пришелъ Яковъ, а ужъ ночь.

— Батюшка, завтра Пасха, пора къ заутренѣ звонить. . .
Всполошился Вакулъ.

— Бѣги скорѣй, звони!

Яковъ бѣгомъ на колокольню, хватъ, а у колокола языка нѣтъ. Эка напасть! Слѣзъ съ колокольни, взялъ лопату и давай у овина, гдѣ дрова кололъ, снѣгъ разрывать. И пока-то искалъ языкъ, нашель, до привязывалъ, стало свѣтать.

Тутъ и народъ понабрался, свѣчи зажгли—огоньки пасхальные.

Взялъ Вакулъ крестъ,—руки стынуть,—и сталъ градить крестомъ.

— Христось воскресъ!

И запѣли по пасхальному.

А на волѣ кутня куделить, заливаеця со свистомъ, съ виньгомъ, валить бѣлыя сугробныя забойни.

— Христось воскресъ!

Слушаетъ Савиха, красный огонекъ свѣчи колыхается, вспоминаетъ бабушка...

«Гдѣ-то дѣточки горемычные?»

И словами старыми молить и просить за родимое Поморье, за землю крещеную.

— Христось воскресъ!

По пустынному Поморью глубоки снѣги.

Алексѣй Ремизовъ.

Рис. Б. К. Кустодіева.

«На тройках».

Рис. К. Юнгъ.

ЗВѢЗДОЧКА—ЦВѢТОЧЕКЪ.

(СКАЗКА.)

Ой, весна,—снѣгъ тающій, земля пахучая, зеленѣющая трава съ просонья. Ой, весна,—горы пятнистая, а съ горъ—потоки пѣвучіе, рѣчки оголенные, озера глубоководія, прозрѣвшія.

Ой, весна,—вѣтви зачинающія, мозолистая, дунь-вѣтры теплыя—вѣстники, облака—легкіе корабли, быстролетныя.

Ой, весна,—небо высокое недостатное,—натянуть шелковъ парусъ!—солнце—ясное око, птицы летуны шумливыя.

На томъ мѣстѣ, гдѣ старый Волховъ крѣпкой, немудреной рукой своей любовно обнимаетъ младшую сестру Мсту, и обросшія сѣдыми потоками уста его цѣлуютъ среброокую Ильмень, на обрывномъ желтомъ берегу пораскинуло свои вѣтви большое село Рыбацкое съ церковью,—храмомъ пятиглавымъ. Рыбаки тамъ рыбу съ плотовъ и сѣтями ловили, а потомъ въ Новгородѣ продавали купцамъ.

Жарко грѣло солнышко; радовалось, горѣло счастьемъ, гляди въ лицо дѣдушкѣ Волхову.

Побережью разсыпалась дѣтвора. Поднявъ рубашенки танцовали по горячимъ лужамъ, въ лоша-

докъ гоняли, играли въ войну и орали сколько силъ. Только одинъ Тиша не игралъ, сидѣлъ въ сторонкѣ, скучную пѣсенку мурлыкалъ, да изъ красной побережной глины бабки лѣпилъ,—разставлялъ ихъ рядышкомъ. Личико блѣдное, съ синими ямочками подъ глазами, бровки длинныя, слившіяся, вѣки воспаленныя, а зрачки, что осень лсная—такіе холодныя, такіе просвѣтлыя, такіе жалостливыя.

Скучно Тишѣ одному быть. Старшіе всѣ ушли изъ дому на Волховъ за рыбой. Одинъ остался онъ маленькій, хворый. Забилось крылышками дѣтское сердце... Слеза звѣздочкой блеснула и погасла. Скучно Тишѣ. И вдругъ слышитъ Тиша кто-то ласково окликинулъ его.

— Тишенька... Тиша!

Обернулся Тиша, а сзади большой-пресобольшой мальчикъ—волосы у него низко свисаютъ на уши. Рубаха на немъ бѣлая, ниже колѣнъ, и бѣлый поясочекъ. Добрый такой, прямо въ глаза смотритъ, смѣется, да треплетъ Тишины волоски изъ тонкихъ ниточекъ, шелковые.

— Тебѣ скучно одному, Тиша, вотъ и пришелъ я съ тобой поиграться... хочешь?..

А самъ такъ и смѣется, такой добрый.

День прошел, ой, какъ незамѣтно скоро, день прошелъ въ бѣготѣ, да въ забавахъ.

Тишинъ голосокъ все звонче откликнулся надъ водой. Заалѣло закатное солнышко, очервонило златы главы Юрьева монастыря и погасло за кремлевыми стѣнами Новгорода, за бѣлой звонницей Святой Софїи. Вечеръ тишь принесъ. Все приумолкнуло. Первая звѣздочка синей огненной птицей взлетѣла въ зеленое небо, а за ней другая, а за другой—третья...

— Вотъ мнѣ и домой пора,—сказалъ мальчикъ, тихо вздохнувъ, и погладилъ Тишину головку.

— А гдѣ же твой домъ?—пытливо посмотрѣлъ ему въ глаза Тиша.

— Тамъ! далеко...—пальчикомъ указалъ на звѣздное небо; призадумался.

— А у васъ тамъ поютъ птички?

— Звѣздочки-птички.

— И цвѣточки есть?

— Звѣздочки-цвѣточки.

— Принеси-жъ мнѣ цвѣточекъ,—сталъ Тишенька жалобно просить,—принеси, хорошій.

— Что ты! Звѣздочку-цвѣточекъ?

— Принеси, принеси завтра.

— Ужъ и не знаю, можно ли съ неба?—задумчиво прошепталъ мальчикъ въ темныхъ сумеркахъ и куда-то дѣлся.

Сошелъ Тиша изъ поднавѣснаго крылечка. Посмотрѣлъ Тиша на утреннее солнышко и зажмурился,—тепло стало, хорошо! А когда робко открылъ онъ глаза, предъ нимъ уже стоялъ мальчикъ, вчерашній гость, невеселый, грустный такой.

— Я тебѣ принесъ звѣздочку-цвѣточекъ.

— А покажи!

Самъ весь дрожить: поскорѣе-бъ.

— Вотъ тебѣ, Тишенька, звѣздочка-цвѣточекъ!—развернулъ тонкую тряпочку, и такъ заблестѣло, что солище померкло.

Испугался и какъ обрадовался Тиша...

— А теперь, знаешь, давай посадимъ его въ землю: къ лѣту вырастетъ большой цвѣтокъ.

Мальчикъ грустно улыбнулся, покачалъ бѣло-волосой головой и чуть слышно отвѣтилъ:

— Ладно.

Взялись за работу. Прорыли глубоко промокшую землю, посадили звѣздочку-цвѣточекъ, засыпали его твердыми комочками. Тутъ поднялъ Тиша глаза и видитъ—еще грустнѣе стало лицо мальчика, совсѣмъ омрачилось, а за спиной у него выросли вдругъ крылышки и сталъ онъ отдѣляться отъ земли—выше и выше, къ солнышку раннему.

— Прощай, Тишенька... Прощай цвѣточка... Больше никогда не увидимся.

Услыхалъ Тиша печальный голосъ издалека, изъ самого неба. Заплакалъ Тиша слезами дѣтской скорби, заплакалъ надъ тѣмъ мѣстечкомъ, гдѣ вмѣстѣ они сажали звѣздочку-цвѣточекъ.

Къ лѣту, подъ окномъ, на высокомъ гибкомъ стеблѣ выросъ невиданный цвѣтокъ съ лепестками подобными лучамъ звѣздъ: маленькое солнце. А назвалъ его Тиша подсолнухомъ.

Владимиръ Гордиѣв.

Чорохекій край.

Рис. А. Эйсснера

А. Гросс.

Рис. А. Гросса.

Д Р У Г У.

Ты много жилъ, я больше пѣлъ.
 Ты испыталъ и жизнь и горе,
 Ко мнѣ незримый духъ слетѣлъ,
 Открывшій полныхъ звуковъ море.

Твоя душа уже въ цѣняхъ,
 Ея коснулись вихрь и бури.
 Моя—вольна: такъ тонкій прахъ
 По вѣтру носится въ лазури.

Когда устанешь на пути
 Къ странѣ чужой, туманной, дальней,
 Ты отдохнуть ко мнѣ приди,
 Мой другъ усталый и печальный.

Александръ Блокъ.

* * *

Древній городъ словно вымеръ.
 Страшенъ мой прѣздъ.
 Надъ рѣкой своей Владимиръ
 Поднялъ черный крестъ.

Лишь шумныя и вязы
 По садамъ темны;
 Звѣздъ иглистые алмазы
 Къ Богу взнесены.

Путь мой жертвенный и славный
 Здѣсь окончу я,
 И со мной лишь ты—мнѣ равный,
 Да любовь моя.

Анна Ахматова.

О томъ, какъ преп. Павелъ рѣшилъ удалиться въ пустыню и какъ св. Антоній ходилъ къ нему на свиданіе.

РАЗСКАЗЪ.*

По свидѣтельству св. Иеронима, преподобный Павелъ, имя котораго празднуется пятнадцатаго января, былъ первымъ отшельникомъ, удалившимся въ пустыню, ради строгаго и совершеннаго уединенія.

Вотъ случай, побудившій его принять такое рѣшеніе.

Это было въ тѣ дни, когда правилъ жестокой Децій и гналъ безошадно христіанъ. Однажды онъ приказалъ схватить двухъ юношей, вѣрившихъ въ Господа нашего Иисуса Христа и въ Пречистую Дѣву, Его мать.

Одного изъ этихъ юношей злой Децій повелѣлъ, привязать къ столбу и вымазать медомъ, дабы мухи, осы и пчелы мучили его своими укусами.

Павелъ видѣлъ эти мученія юноши, оставленнаго такъ въ открытомъ полѣ подъ знойнымъ солнцемъ, видѣлъ и содрогался. Но еще болѣе смутили его муки другого юнаго христіанина.

Вотъ что повелѣлъ сдѣлать съ нимъ безумный Децій.

Этого юношу, прекраснаго тѣломъ и лицомъ, раздѣли до нага, привязали крѣпко скрытыми въ гирляндахъ розъ канатами къ мягкому ложу и поставили его въ благоуханной рошѣ, у ручья, подъ сѣнью пальмъ. Коварный тиранъ, зная цѣломудріе стыдливаго и невиннаго юноши, повелѣлъ призвать куртизанку Ирену, которая славилась своею красотой и порочностью. Несмотря на то, что въ рошу явилось не мало народу, и толпа, жаждущая необычайныхъ зрѣлищъ, окружила мученика тѣснымъ кольцомъ, знаменитая блудница стала расточать юношѣ ивѣжныя слова, соблазняя его на грѣхъ. Тиранъ повелѣлъ ей раздѣться и она, обнаживъ свое прелестное тѣло, старалась увлечь юношу, возбуждая въ немъ естественную чувственность, которую онъ преодолевалъ съ Божьей помощью.

Ирена же, воспылавъ преступной любовью къ мученику, не скупилась на ласки, нескромныя и сладострастныя, смущая тѣмъ даже порочную и во грѣхѣхъ искушенную языческую толпу. Юный мученикъ тер-

пѣлъ эти страданія до тѣхъ поръ, пока не почувствовалъ, что, противъ желанія его, въ немъ просыпается вождѣлвіе. Тогда онъ, не имѣя оружія для защиты, откусилъ собственный языкъ и выплюнулъ его прямо въ лицо красавицѣ, благосклонность которой покупали патриціи за мѣшки золота.

Пораженный мужествомъ и удивительнымъ цѣломудріемъ этого юноши, Павелъ ушелъ въ пустыню, мечтая въ уединеніи укрѣпить свои духовныя силы.

Какъ извѣстно, онъ прожилъ въ пустынѣ шестьдесятъ лѣтъ и до послѣднихъ дней своихъ не уставалъ бороться съ искушеніями плоти и съ дьяволомъ, являвшимся ему нерѣдко въ образѣ куртизанки Ирены. Павлу мерещилось, что онъ юноша и что блудница увлекаетъ его на путь очарованія и гибели.

Въ это время св. Антоній тоже рѣшилъ удалиться въ пустыню для борьбы съ дьяволомъ. Онъ думалъ, что ему первому открылась правда отшельничества. Но ангелъ явился ему во снѣ и рассказалъ ему о Павлѣ. Тогда Антоній пошелъ искать его. Путешествіе быдо нелегкое, исполненное всякихъ неожиданностей. Такъ, прежде всего онъ, заблудившись, встрѣтилъ въ лѣсу раненаго кентавра, которому онъ перевязалъ поврежденную ногу, и это дикое существо, почувствовавъ благодарность къ доброму человѣку, показало ему дорогу.

На другой день, на опушкѣ роши онъ увидѣлъ сатира, одно изъ тѣхъ странныхъ лѣсныхъ созданій, которыя почитаются язычниками за боговъ. Эготъ козлоногій лѣвтяй валялся на травѣ и ѣлъ финики. Антоній, приблизившись, привѣтствовалъ его и тотъ, въ свою очередь, любезно предложилъ путнику горсть финиковъ. Они разговорились. Бесѣдовали по гречески. Антоній удивился, когда козлоногій обнаружилъ ивѣкоторыя человѣческія познанія. У святаго были превратныя понятія объ этихъ существахъ, которыя не такъ ужъ чужды нашимъ привычкамъ и вкусамъ. Сатиръ даже процитировалъ строфу изъ Алкеса. Оказывается, одна горожанка, заблудившаяся въ этой рошѣ, провела съ нимъ трое сутокъ, и это изъ ея устъ услышалъ онъ сладкую рѣчь поэта.

Антоній собирался было внушить козлоногому правильныя представленія о мірѣ, Богѣ и нравственности, какъ вдругъ сатиръ потерялъ мгновенно все, что было въ немъ человѣческаго. Нижняя губа у него отвисла, все тѣло, дрожа, стало какимъ то упругимъ и напряженнымъ; взрывъ землю копытами, онъ бросился опретью въ кусты, гдѣ журчалъ ручей.

Недоумѣвая, праведникъ сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ густой листвѣ на берегу. Антоній подумалъ, что сатиръ занялся охотой, поймавъ какого-то звѣрка и, можетъ быть, желаетъ угостить мясомъ путника. Тогда преподобный послѣдшилъ въ кусты въ надеждѣ убѣдить сатира не вкушать скоромнаго. Но едва Антоній раздвинулъ густой орѣшникъ, передъ нимъ открылась картина неожиданная. На землѣ валялась полуобнаженная нимфа и отбивалась съ легкимъ стономъ отъ нескромныхъ ласкъ козлоногаго. Антоній догадался, что у сатира

* Въ основу этого разсказа положена записъ блаженнаго Іакова изъ Ваража, въ его книгѣ «Legenda Sanctorum».

нехорошія и грѣшныя намѣренія. Поэтому онъ тронулъ его за лохматое плечо, стараясь отвлечь сладострастника отъ предмета его вождѣнія. На мигъ это ему удалось, и, сѣвъ на корточки, сатиръ съ изумленіемъ смотрѣлъ на преподобнаго, не понимая, что собственно ему надо.

— Я вижу, вы хотите предаться тѣлеснымъ наслажденіямъ,—сказалъ Антоній мягко.—Но могу васъ увѣрить, что вѣчное благо зависитъ, напротивъ, отъ воздержанія, а необузданная похоть влечетъ всѣхъ насъ къ гибели. Кромѣ того, эта прекрасная дѣвушка, повидимому, вовсе не желаетъ земныхъ утѣхъ, и я охотно проводилъ бы ее къ одному моему знакомому епископу, который научилъ бы ее истинамъ вѣры и—почемъ знать,—быть можетъ, она взяла бы на себя сладостное иго отшельничества. А это уже совсѣмъ хорошо: не то, что преходящая и сомнительная радость чувственныхъ объятій.

— Я тебѣ далъ финиковъ,—сказалъ сатиръ сердито:—А ты вотъ вмѣшиваешься не въ свое дѣло. Уходи скорѣе, а то я тебя забодаю.

Это огорчило Антонія. Но еще болѣе онъ смутился, когда замѣтилъ, что нимфа схватила сатира за бороду и тянетъ его къ себѣ. Изъ этого можно было заключить, что она стонала притворно и, какъ это ни странно, ей вовсе не были неприятны грубыя ласки, которыя расточала ей козлоногія.

Тогда святой Антоній, отчаявшись, махнулъ рукою и пошелъ искать преподобнаго Павла.

Ему удалось найти его безъ большого труда, но тутъ произошло недоразумѣніе.

Преподобный Павелъ, слышавъ шаги, вообразилъ, что это идетъ къ нему куртизанка Ирена или какая-нибудь другая блудница и, испугавшись, поспѣшилъ запереть дверь своей кельи.

Тщетно увѣрялъ Антоній, что онъ ищущій правды Христовой и при томъ мужчина и что онъ не хо-

четъ соблазнить Павла, а совсѣмъ напротивъ, желаетъ приобщиться его мудрости.

Наконецъ, Господь внушилъ Павлу довѣріе къ голосу Антонія. Отшельники радостно обіялись и тотчасъ же начали бесѣдовать на возвышенныя темы. Когда наступилъ часъ завтрака, воронъ принесъ имъ хлѣбецъ. Павелъ предложилъ Антонію раздѣлить его пополамъ. Антоній сказалъ, что онъ недостойнъ первый преломить хлѣбъ. Такъ дружески они препирались долго, пока, наконецъ, не взялись за хлѣбецъ вмѣстѣ и одновременно его не разломали.

Нѣсколько дней пребывалъ Антоній у Павла, учась искусству мудраго житія.

Павелъ объяснилъ Антонію, какіе бѣсы чѣмъ завѣдуютъ и какъ съ ними надо сражаться. Между прочимъ, когда Антоній жаловался на искушеніе плоти, Павелъ ему сказалъ:

— Надо смирится и надѣяться. Вотъ мнѣ сто первый годъ, а я въ прошломъ году еще неоднократно былъ искушаемъ женскими прелестями, но теперь, слава Богу, почти освободился отъ этихъ злыхъ чаръ. Значитъ, не надо отчаиваться.

Эти мудрыя слова очень утѣшили Антонія.

Простившись и поблагодаривъ Павла, онъ удалился. По дорогѣ онъ опять наткнулся на сатира и нимфу, но это былъ уже другой сатиръ и другая нимфа. Прелестница кричала и звала на помощь. Антоній хотѣлъ было помочь ей, но, вспомнивъ бывшій съ нимъ ранѣе случай, опустилъ голову и поспѣшилъ домой.

Онъ теперь зналъ,—и Павелъ подтвердилъ это,—что козлоногіе и нимфы свободны отъ законовъ челоувѣческой совѣсти. Павелъ даже сказалъ Антонію, что, вѣроятно, Господь отпускаетъ этимъ лѣснымъ существамъ то, чего никакъ нельзя простить обыкновеннымъ людямъ.

Георгій Чулковъ.

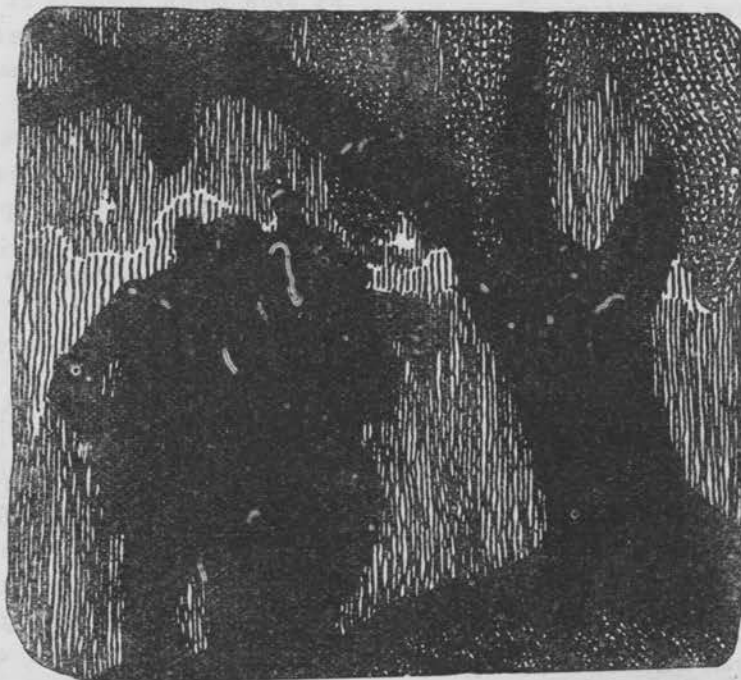

Рис. Г. Струнке.

Праздничная иллюминация.

Проф. Альберть Бенуа.

ДЪТИ ДЬВОЛА.

РАЗСКАЗЪ.

I.

Маіоръ фонъ-Гильденштубе служилъ начальникомъ крѣпостного гарнизона въ Ойхе, одной изъ нѣмецкихъ колоній на югѣ Африки.

Третій годъ уже проводилъ маіоръ въ глухомъ и дикомъ мѣстечкѣ, гдѣ, подлѣ громаднхъ крѣпостныхъ зданій, ютились на берегу рѣки убогіе тростниковые шалаши туземцевъ-негровъ. Въ будущемъ маіоръ пока не предвидѣлъ никакого повышенія и никакихъ переменъ. Въ деревушкѣ не было ни дѣла, ни развлеченій. Даже женщинъ нельзя было найти въ этой проклятой глуши; имѣлись здѣсь, правда, негритянки, но отъ нихъ, во-первыхъ, отвратительно пахло, а, потомъ, развѣ негры люди?

Сегодня маіоръ особенно былъ не въ духѣ.

Въ это утро ему минуло тридцать семь лѣтъ. Боже! подумать только, что лучшіе годы проходятъ зря въ дебряхъ далекой Африки! Здѣсь онъ даже не можетъ ни чѣмъ ознаменовать день своего рожденія, какъ то бывало въ Берлинѣ. Единственнымъ собесѣдникомъ его и гостемъ является здѣсь все тотъ же лейтенантъ Фурстъ, придурковатый и длинный малый, съ моноклемъ въ лѣвомъ глазу, а развлеченіе все состоитъ въ томъ, чтобы, сидя на террасѣ, пить съ этимъ лейтенантомъ коньякъ. А когда въ Берлинѣ! Обѣдъ съ товарищами-гвардейцами, вечерняя попойка въ кафе, плясунья Матильда, громъ музыки, веселящая толпа...

Фонъ-Гильденштубе досадливо крикнулъ и, чокнувшись съ долговязымъ лейтенантомъ, проглотилъ девятую рюмку коньяку.

— Скучно здѣсь, любезный Фурстъ, замѣтилъ онъ, поводя выпученными на красномъ лицѣ блессыми глазами. И обсосалъ лимонъ.

— Скучно, господинъ маіоръ, — согласился и Фурстъ, блеснувъ моноклемъ.

— Чтобы намъ такое изобрѣсти, а?...

— Въ прошломъ году, ежели припомните, мы разстрѣляли негра, за то, что онъ забрался безъ спросу

въ крѣпостной складъ; все таки было небольшое развлеченіе.

— Да, помню, конечно, оживился маіоръ. — Еще фельдфебель Гансъ говорилъ мнѣ тогда, что изобрѣлъ особый динамитный патронъ и предлагалъ лучше взорвать имъ преступника, чѣмъ даромъ тратить казенный порохъ. Увѣрялъ, что негритянскую башку разорветъ мгновенно, какъ бомбу. Жаль тогда я не согласился, надо бы было испробовать.

— Хоть бы напалъ на насъ кто-нибудь, что ли!

Офицеры зѣвнули и выпили еще по рюмкѣ. Оба томились и изнывали отъ скуки.

II.

Фельдфебель Гансъ вытянулся на порогѣ.

— Что случилось? — спросилъ лѣнливо маіоръ.

— Преступникъ пойманъ.

— Какой преступникъ? Что такое?.. Маіоръ запрокинулся въ плетеномъ креслѣ, а лейтенантъ вскинулъ стекляшку въ лѣвый глазъ и окинулъ фельдфебеля начальственнымъ взоромъ.

Образцовый служака, въ сажень ростомъ, со вздернутыми усами, Гансъ оставался невозмутимымъ.

— Какой-то негръ забрелъ нынче за черту крѣпостныхъ построекъ и пойманъ мною на мѣстѣ, доложилъ онъ, глядя спокойно въ глаза начальнику.

— Не угодно ли будетъ господину маіору рѣшить, подлежитъ ли преступникъ военному суду?

— О да; конечно, конечно, будемъ судить. Пришли его сюда.

Фельдфебель звякнулъ шпорами налѣво кругомъ.

— Что за умница у меня этотъ Гансъ, — вполголоса замѣтилъ фонъ-Гильденштубе.

— Золотой человекъ, — поддакнулъ лейтенантъ Фурстъ.

Двое солдатъ съ ружьями ввели молодого негра. Онъ одѣтъ былъ въ холщевыя, кѣтчатыя панталоны и держалъ въ рукахъ соломенную шляпу съ продухомъ и большими полями. Черное скуластое лицо его

поблѣднѣло и казалось оливковымъ, толстыя губы слегка дрожали.

— Какъ ты попалъ въ крѣпость и зачѣмъ?—сурово спросилъ маіоръ.

— Я, господинъ, не здѣшній,—торопливо отвѣчалъ негръ, вздрогнувъ:—я шелъ съ заработковъ изъ Аксума провѣдать мою больную тетку въ деревню Ойхе и случайно забрелъ въ вашъ лагерь. Прикажете отпустить меня, господинъ, я спѣшу, а то старушка пожалуй, умретъ безъ меня.

Фонъ-Гильденштубе знакомъ отослалъ солдатъ и поглядѣлъ на преступника. Невинность его была очевидна. Однако въ расчеты маіора не входило отпустить плѣнника даромъ.

— По закону ты подлежишь смерти,—сказалъ онъ вѣско,—но я подумаю, нельзя ли будетъ смягчить твою участь. Расскажи намъ что-нибудь забавное и тогда мы тебя отпустимъ.

Негръ оглядѣлся. Бутылки съ коньякомъ и шампанскимъ, мѣшокъ Фурста, бѣлые маіорскіе глаза и вся обстановка комендантской террасы, видимо, были ему не по душѣ. Въ сѣрыхъ глазахъ его мелькнулъ огонекъ.

— Что же мнѣ рассказать?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ и переступилъ босыми, темными какъ шоколадъ, ногами.

III.

Отъ маіора не укрылись свободныя движенія плѣнника. Поморщившись, онъ молвилъ рѣзко, наливая себѣ и лейтенанту:

— Расскажи ты намъ вотъ о чемъ, отчего это у всѣхъ у васъ, у негровъ, дьявольскія черныя хари, курчавыя башки и носы такіе, точно по нимъ колотили молоткомъ?

Лейтенантъ хихикнулъ.

Потупившись, плѣнникъ съ минуту думалъ и вдругъ тряхнулъ курчавой головой.

— Извольте, господа, я расскажу вамъ, какъ это случилось. Когда Господь создалъ перваго человѣка

и привелъ его въ рай, дьяволъ захотѣлъ, подобно Богу, сдѣлать своего Адама. Но у нечистаго все выходило черно; чернымъ оказался и человѣкъ, котораго онъ создалъ. Это и былъ первый негръ. Чтобы поправить дѣло, дьяволъ швырнулъ свое дѣтище въ Иорданъ, надѣясь, что рѣка его обмоетъ, но священные воды тотчасъ потекли вспять и едва омочили негру ступни и ладони. Оттого на этихъ мѣстахъ кожа у насъ свѣтлѣе. Со злости дьяволъ ударилъ неудачника по лицу кулакомъ, что было силы, и приплюснулъ ему навѣки носъ. Бѣднякъ заплакалъ и сталъ просить пощады; сатана сжалился и потрепалъ ласково негра по головѣ, и тотчасъ волосы подъ адской десницей скрутились и завились барашкомъ.

— Ха-ха-ха, ловко!..—захохотали пруссаки.

— Подождите, господа, еще не все. Видя, что съ негромъ ничего не подѣлаешь, дьяволъ подарилъ его Богу, а самъ вновь принялся за работу. Долго трудился онъ и на этотъ разъ создалъ съ успѣхомъ...

— Кого же?

— Нѣмца.

— Довольно—сказалъ маіоръ послѣ краткаго молчанья.—По приговору военного суда, ты, какъ бродяга, предаешься смертной казни. Гансъ!

Черезъ полчаса динамитный патронъ, крѣпко забитый негру въ ротъ, взорвался на глазахъ офицеровъ, разбрызнувъ коричневую голову на мелкокровявые куски.

— Ты, молодчина, Гансъ,—сказалъ фонъ-Гильденштубе. Я о твоёмъ изобрѣтеніи сообщу генералу. Оно намъ пригодится, быть можетъ, въ будущей войнѣ нашей съ русскими.

— Радъ стараться, господинъ маіоръ. Не будетъ ли какихъ приказаній?

— Приказаній? Да!.. Всякаго негра, захваченнаго въ предѣлахъ крѣпости, приказываю подвергать такой же казни. Оно, дѣйствительно, и дешево и удобно. А пока можешь итти. Выпьемъ, Фурстъ.

Борисъ Садовской.

На полях.

П. Лаленковъ.

ШУТКА АПОСТОЛА ФОМЫ.

(РАЗСКАЗЪ.)

...Ушелъ я въ недѣлю апостола Фомы. Передъ разсвѣтомъ кто то постучалъ въ окно, я проснулся и сначала мнѣ показалось, что стучитъ почтарь Коваликъ, идущій съ письмами со станціи въ село Ерусланово.

Спалъ я совершенно одѣтымъ, даже въ высокихъ тяжелыхъ сапогахъ, и когда увидѣлъ это, то понялъ, что стучитъ не почтарь, а кто то другой...

Я подошелъ къ окну, протеръ рукой запотѣвшія отъ заморозка стекла и увидѣвъ помятую плицовую шапку странника Григорія со страхомъ отскочилъ отъ окна, прячась за простѣнокъ.

Сейчасъ же я вспомнилъ все, что было наканунѣ и подумалъ, что нужно принять мѣры, чтобы вечерняя шутка не стала правдой, правдой совершенно ломающей мою жизнь.

Странника Григорія я встрѣтилъ вчера у воротъ нашей усадьбы, разговорился съ нимъ и узнавъ, что онъ человекъ ума острого и испытаннаго, спросилъ у него совѣта, какъ мнѣ измѣнить мою жизнь, которая мнѣ скучна и томительна. Онъ сказалъ, что

это значить душа по переѣздамъ и по тайнымъ встрѣчамъ тоскуетъ и что мнѣ нужно временно уйти отъ дома, отъ жены и отъ прежней жизни.

Сказалъ онъ это такъ просто, ясно и правдиво, что у меня въ ту минуту не было сомнѣній въ правотѣ его необъяснимо властныхъ словъ.

Но все же я разсѣялся и у меня, какъ у человека свѣтскаго и ученаго, чувствующаго свое превосходство передъ простолюдиномъ-странникомъ, появилась недѣльная мысль, пошутить надъ нимъ.

— Хорошо, сказалъ я, завтра поутру, передъ тѣмъ, какъ уходить изъ этихъ мѣстъ, зайди за мной и возьми меня.

Онъ согласился, очень обрадованный и говорилъ, что мы идемъ въ Еммаусъ.

— Въ Еммаусъ?—переспросилъ я.

— Да,—тихо отвѣтилъ онъ,—Господь теперь по Воскресеніи Своемъ идетъ по вѣшной дорогѣ въ Еммаусъ и всѣ наши вышли встрѣчать его.

— Кто это наши?—спросилъ я.

Онъ сказалъ, что я увижу. Мысль о томъ, что

мы можемъ встрѣтить Христа, сбѣжала меня серьезнымъ и тихимъ.

Такимъ я пришелъ къ женѣ. Она сидѣла за письменнымъ столомъ писала кому-то письмо. И странно, что увидѣвъ жену склонившуюся надъ столомъ, я сразу вдругъ успокоился и о шуткѣ своей ей ничего не сказалъ.

День прошелъ очень быстро, потому что я ѣздилъ въ кузницу, гдѣ правились лямии для плуговъ и въ работѣ совершенно забылъ о разговорѣ со странникомъ. Но къ вечеру нашла на меня глубокая и острая печаль, я не могъ дольше молчать и обо всемъ разсказалъ женѣ.

И удивительно было то, что сказавъ женѣ, я все это нашелъ смѣшнымъ и смѣялся вмѣстѣ съ женой, которая очень весело представляла мое путешествіе. Она же мнѣ посоветовала утромъ выдти на стукъ, попрощаться со странникомъ и дать ему на дорогу денегъ.

Тогда я не обратилъ вниманія, но теперь меня очень огорчаетъ напоминаніе жены о деньгахъ, хотя

это извинительно для нея, потому что она судила по невѣдѣнію.

И вотъ на зарѣ, проснувшись отъ стука и увидѣвъ странника Григорія, я вспомнилъ слова жены и согласившись въ ту минуту съ ними вышелъ на крыльцо. А передъ этимъ, чтобы сбѣжать шутку мою полибе, я написалъ ей прощальное письмо, въ которомъ сообщалъ, что вернусь черезъ годъ.

Было весеннее прохладное утро, когда тянуло чуть позеленѣвшими набухшими почками и талой черной землей полей и отъ запаха сырой начинавшей прѣть земли и запаха моего простого, мужичьяго, дубленнаго, полушубка у меня чуть закружилась голова, а на сердцѣ было смутно, но хорошо...

— Готовъ ли ты?—спросилъ меня встрѣчая Григорій.

— Да,—отвѣтилъ я, чуть ежась отъ легкаго утренняго холода.

— Ну, Господи благослови,—снявъ шапку перекрестился онъ на востокъ.

Я последовал его примеру и, помолившись, перекрестил матовые запотевшие окна, за которыми спала жена. Так я простился с женой своей, понимая, что назад скорого возврата нет и хотя я не знал о том, что ждет меня впереди, но был радостен и светел.

Заблудились тогда вдоль влажных лугов вязкой дороги, убегавшей к чуть позеленевшим перелескам, резко выделяющимся на ясном небе, а на рвах еще играли веселые, хмельные ребята—льды тяжелые и темные.

Уже отойдя версты три мы встретили бдущаго в городъ сосѣда моего, помѣщика Томила, молодого еще человѣка, очень пріятнаго и веселаго характера.

Онъ спросилъ, когда я думаю начать распашку. Конечно; о распашкѣ я ничего не могъ сказать, а сказалъ о моемъ окончательномъ уходѣ.

Къ моему удивленію онъ принялъ это совершенно серьезно и даже одобрилъ, крѣпко меня поцѣловавъ.

Послѣ этой встрѣчи я шелъ уже спокойный и увѣренный въ своей радостной шуткѣ...

II.

Не скажу, чтобы у меня не было сомнѣній... Помню, какъ то, въ Ярославлѣ, Григорій, человѣкъ по истинѣ удивительный и многому меня научившій, при разставаніи со мной (ему надо было спѣшно идти обратно), позвалъ и меня...

— Вернись... Жена будетъ рада...

Но я, немного колеблясь, все же настоялъ на своемъ и рѣшилъ идти дальше.

Женѣ же я послалъ письмо, въ которомъ просилъ не искать меня, потому что черезъ годъ я вернусь и буду попрежнему жить съ ней.

Не знаю видѣлъ ли Григорій мою жену и передали ли ей письмо, ибо съ тѣхъ поръ я не встрѣчалъ его.

Да и не могъ встрѣтить, потому что, поживъ немало въ Никола-Бабіевскомъ монастырѣ, онъ ушелъ дальше и былъ въ такихъ мѣстахъ, о которыхъ, раньше и не слышалъ.

Идя по роднымъ дорогамъ, заходя въ города, села, монастыри и скиты, я понялъ и принялъ умиленіе великое, кротость и смиреніе.

Я разговаривалъ съ монахами, старцами, раскольниками, хлыстами, бѣгунами и другими многими сектантами и многимъ изъ нихъ правился живостью своего ума и твердостью въ своей шуткѣ.

У всѣхъ этихъ высоко-религіозныхъ и отнынѣ любезныхъ мнѣ людей существуетъ вѣрное представленіе о нашей интеллигентной жизни, какъ о жизни интересной, но въ то же время внутренне неустроенной и мучительной.

Они съ любопытствомъ слушали, когда я говорилъ о чемъ зналъ и видѣли во мнѣ человѣка другой, не ихней, но и не утвержденной окончательно вѣры.

И этой неутвержденностью вѣры имъ казалось частая разнорѣчию моихъ словъ и они были

правы: вѣры у меня определенной не было и не должно было быть, а была вѣра въ жизнь, къ которой я прикасался веселыми, но чистыми устами.

Я не хочу касаться своихъ отношеній къ молодой сектанткѣ Дашѣ, потому что, если мутна вода, надо подождать пока она отстоится, а отстояться ей не было времени.

Всѣ эти удивительные люди: раскольники, бѣгуны, хлысты и другіе сектанты звали меня прислушаться къ той чашѣ вѣры, которую они пили и которая дѣлала ихъ чистыми, ревностными въ душѣ и далекими къ ветхости жизни, часто столь цѣнной нами.

Но я молча благословлялъ ихъ и уходилъ отъ бѣгуновъ къ безпоповцамъ, отъ безпоповцевъ къ молочанамъ и всюду былъ только веселымъ созерцателемъ хмурыхъ и благостныхъ каменщиковъ, перекидывающихъ удивительные по величію и смѣлости мосты къ ясному небу.

Да и какъ я могъ повѣрить и остаться съ ними, когда одно уже созерцаніе дѣлало ихъ, совершенно наполняло меня радостью, такъ что для другихъ заботъ и попеченій у меня не было мѣста и ходилъ я не по землѣ, а по воздуху.

Отнынѣ и до кончины моей вѣрую, Господи, физически вѣрую и въ хожденіе по водамъ Твое и въ Вознесеніе Твое на небо, о чемъ не грѣшный, нетъ, а невидящій, пока не осязалъ—не вѣрилъ, какъ апостольскій Фома, въ недѣлю котораго я вышелъ.

Да будетъ благословенна и вся жизнь; веселить меня веселіемъ таинственнымъ шутка апостола Фомы.

Такъ я называлъ путешествіе свое, ибо разъ мореходы именуютъ свои корабли, отчего же было мнѣ не озаглавить свой корабль духовный, на которомъ я плавалъ по морямъ духовнымъ же.

Не скажу, что моря духовные были моей цѣлью, но такъ угодно было судьбѣ и апостолу Фомѣ, и, кромѣ того, нужно добавить, что русская народная душа находится въ сихъ моряхъ и всегда въ нихъ пребываетъ, а материкъ свой нетлѣнный зреть, какъ Царствіе, которому не будетъ конца.

Не скажу и того, что путешествіе мое было безъ тревожныхъ приключеній, они были, потому что прикасался къ людямъ совѣсти великой, а у насъ совѣсть народная находится у многихъ на подозрѣніи за свою пылкость и непоколебимость.

III.

Прежнюю жизнь мою, которой я жилъ раньше, я не проклиналъ и не хулилъ, потому что нахожу ее хорошей и хотя имѣющей свои недостатки, но честной, и по окончаніи путешествія своего рѣшилъ пристать къ той же пристани, изъ которой вышелъ.

Помню, однажды, въ весенніе теплые сумерки, сидѣлъ я на пристани въ Плессѣ, благочестивомъ зеленомъ городкѣ, и, ожидая парохода, смотрѣлъ, опершись на перила, какъ носили по сходямъ грузчики тяжелые бѣлые кули.

Вдругъ я услышалъ, что кто-то окликнулъ меня по имени и отчеству. Я очень удивился потому, что

тѣ люди, съ которыми я встрѣчался, не интересовались моимъ именемъ и часто не спрашивали его хотя жилъ я съ ними иногда по нѣсколько дней.

Черта примѣчательная, показывающая какъ пренебрежительно или, вѣрнѣе, безразлично относятся эти люди къ мелочамъ, столь цѣннымъ нами.

Кстати, вспоминаю случай, бывший со мной въ одномъ изъ заволжскихъ скитовъ. Я, однажды, велъ бесѣду со старцемъ Никодимомъ, личностью очень почитаемой, какъ среди раскольниковъ, такъ и среди сыновъ господствующей церкви. Надо сказать правду—къ мировоззрѣнію моему старецъ отнесся крайне неодобрительно. И вотъ, когда я уходилъ, онъ благословилъ меня и спросилъ не имя мое, а только день моего ангела.

Я сказалъ—12 февраля, когда празднуется память многимъ святымъ.

Помню я былъ этимъ очень умиленъ и растроганъ.

Однако возвращаюсь къ своему разсказу.

На окликъ я обернулся и увидѣлъ давнишняго друга моего, доктора Петра Николаевича, съ недоумѣніемъ смотрѣвшаго на меня. Я, въ грубой, кой гдѣ рваной, обвинной вѣтрами, одеждѣ, загорѣлый и пыльный, былъ похожъ на одинъ изъ тѣхъ веселыхъ червонцевъ, которые разбрасываетъ на нашей землѣ жаркое солнце.

Конечно, онъ страшно обрадовался и началъ спрашивать обо всемъ и я просто и ясно все ему разсказалъ.

— Вы стали мистикомъ—сказалъ онъ, почему то печально качая головой.

Мнѣ не понравилось, что онъ, по привычкѣ ученыхъ людей, сразу меня опредѣлилъ, но печальное качаніе головой меня развеселило и размѣшило, такъ что я согласился пойти къ нему на дачу пить чай.

— Вы, конечно, вина не будете пить, поэтому я и предложилъ вамъ чай—сказалъ онъ.

— Если хорошее, такъ отчего же, едва сдерживая смѣхъ, отвѣтилъ я.

Конечно на дачѣ случилось то, что можно было предполагать. И Петръ Николаевичъ и жена его убѣждали меня кончить мою шутку и вернуться къ прежней трудовой жизни.

Ушелъ я отъ этихъ добрыхъ людей, несмотря на мою совершенную откровенность, непонятнымъ но веселымъ.

На пристани меня ждала непріятность.

Я былъ арестованъ за сходство съ какимъ то преступникомъ, а такъ какъ у меня не было паспорта (я его незахватилъ уходя изъ дому), то меня заперли временно въ кладовую при пристани.

Помогъ мнѣ покровитель мой апостолъ Юма. Мнѣ удалось бѣжать и я, пройдя по берегу всю ночь, на слѣдующей пристани сѣлъ на пароходъ.

IV.

Почему мнѣ такъ полюбились моря духовные—не потому же вѣдь что дѣдъ мой былъ франкъ-масономъ, но сознаюсь, мысль о томъ, что, можетъ быть, мнѣ придется прервать мое путешествіе искренно меня огорчило.

Еще въ Н-скѣ мнѣ говорили, что по этимъ мѣстамъ ѣздитъ дама, отыскивающая своего мужа.

Я, конечно, сначала удивился, какъ могла жена напасть на мой слѣдъ, но вспомнивъ свое пребываніе у Петра Николаевича догадался, что она была извѣщена письмомъ.

Поэтому нѣсколько дней проведенныхъ мною въ Синеозерной пустыни были посвящены печальному и тяжелому раздумью.

На мое счастье мнѣ пришлось ночевать въ келіи іеромонаха Геннадія, ставящаго выше всѣхъ подвиговъ человѣческихъ молчаніе и хотя по немощи своей онъ не бралъ на себя бремя обѣта молчанія, тѣмъ не менѣе, насколько возможно, удерживался отъ пустыхъ разговоровъ.

Въ Синеозерной пустынѣ и пришлось мнѣ выдержать первую и послѣднюю бурю—встрѣчу съ моей женой.

Какъ то вечеромъ бродилъ я по монастырю, раздумывая куда мнѣ дальше держать свой путь. Проходя мимо церкви, изъ которой уже начиналъ выходить народъ, я вошелъ и всталъ въ притворѣ. Сердце у меня почему то билось, какъ птица въ силкахъ.

И вотъ, стоя въ темномъ притворѣ, я увидѣлъ свою жену... Она выходила, крестясь, изъ церкви и проходя мимо оборванного и запыленного мужа дала ему копеечку.

Битва.

Я несказанно обрадовался и съ затаенной болью смотрѣлъ въ слѣдъ женѣ, которая остановилась у дверей, словно что-то раздумывая.

Тогда быстро, не соображая зачѣмъ, я спрятался за лѣстницу, ведущую на колокольню, и оттуда наблюдалъ за женой.

Конечно предчувствіе ни меня, ни жену не обмануло: она вернулась и долго смотрѣла на то мѣсто, гдѣ только что стоялъ я.

И вечеромъ, даже не попрощавшись съ о. Геннадіемъ, я тайкомъ ушелъ изъ пустыни.

V.

Я сказалъ уже, что буря эта была первой и послѣдней.

Да не подумаетъ кто, что причиной преждевременнаго возвращенія моего домой была встрѣча съ женой.

Ивѣтъ, уходя изъ пустыни, я помолился апостолу Ѳомѣ, ибо ему угодно было благость шутки сдѣлать полной, видривъ въ нее ивѣкоторое страданіе, испытующее чловѣка подобно каленому желѣзу, и твердо былъ увѣренъ въ безопасности и веселіи дальнѣйшаго своего пути.

Но на одномъ изъ постоянныхъ дворовъ я встрѣтилъ иконописца изъ Владимира на Клязьмѣ, имя котораго мнѣ неизвѣстно, показавшаго мнѣ съ печалью газету, въ которой киноварью было обведено сообщеніе объ арестѣ странника Григорія, обвиняемаго моей женой въ умышленномъ и якобы преступномъ уводѣ ея мужа.

Первое, что меня поразило,—это сама газетка, дрожащая въ пестрыхъ отъ красокъ и плохо отмывающихся рукахъ иконописца. Здѣсь я самъ вдругъ почувствовалъ какую то странную, до сихъ поръ неизчезающую, враждебность къ газетѣ, враждебность, которую я встрѣчалъ у многихъ видѣнныхъ мною людей.

Но это между прочимъ.

Извѣстіе объ арестѣ Григорія крайне меня опечалило и возвращеніе мое было рѣшено.

Хотя я знаю, что если бы я продолжалъ свое путешествіе до назначеннаго мною срока, Григорій сидѣлъ бы въ острогѣ не проклиная, а только благословляя меня, и по выходѣ изъ острога поцѣловалъ бы троекратно меня и одобрилъ бы мою твердость.

Такъ поступилъ бы и всякій изъ его единомышленниковъ, но у меня не хватаетъ рѣшимости и потому я видѣлъ, на сколько дорогъ и нуженъ онъ здѣсь людямъ.

Я самъ хотя и не много плавалъ, но море духовное знаю и знаю сколь важенъ среди здѣшнихъ мореплавателей такой кормчій, какъ Григорій.

Поэтому я скоро возвращаюсь домой.

Мнѣ тяжело прерывать свой, уже почти трехмѣсячный путь, но все же я хочу урвать отъ преждевременнаго срока моего еще недѣлю.

Я схожу на Керженецъ, къ граду невидимому Китежу, гдѣ назначена у меня встрѣча съ однимъ чловѣкомъ.

Тамъ въ ночь на Ивановъ день собираются у озера, подобнаго чашѣ, «взыскующіе града», и поставивъ на дощечку, на которой написаны имена сродниковъ, свѣчку, пускаютъ ее по Свѣтлояру.

Я тоже напишу на щечкѣ имена «Алексѣя, Маріи и Григорія» и съ горящей, тонкой, какъ наши свѣрныя березки—свѣчей, пушу ее по водѣ.

Да будетъ благословенна и всю жизнь веселить насъ веселіемъ нерушимымъ шутка апостола Ѳомы.

Такъ, повторяю, я назвалъ путешествіе свое, ибо разъ мореходы именуютъ свои корабли, отчего же тогда мнѣ не озаглавить свой корабль духовный, на которомъ я плавалъ по морямъ духовнымъ же...

Серій Михайловъ.

П. Лазаревъ.

ОТРЫВОКЪ.

ОКТАВЪ МИРБО.

Я дѣлилъ свое время между домомъ и службой.
— Мой домъ!..

Не смотря на придирки и раздражительность моей жены, становившіеся со дня на день все болѣе невыносимыми, я не чувствовалъ себя плохо дома. Одаренный въ значительной степени способностью къ отвлеченію и мечтательности, я вскорѣ дошелъ до способности отвлекаться не только отъ ея моральнаго присутствія—но что важнѣе всего—отъ ея присутствія физическаго. Люди, живущіе вблизи станціи, быстро привыкаютъ не слышать свистковъ и грохота поѣздовъ. Это удалось мнѣ, по отношенію къ моей женѣ. Какую бы безобразной она не выглядѣла, я не

замѣчалъ ее; сколько бы она не скулила и не жаловалась своимъ пронзительнымъ и пискливымъ голосомъ я ее не слышалъ. Усиленіемъ воли, я создалъ себѣ внутреннюю жизнь, настолько изолированную отъ всѣхъ случайностей домашней и внѣшней жизни, что жилъ словно ея не было и она не находилась безпрестанно возлѣ меня. Случалось даже, что я, живя съ ней въ одной комнатѣ и раздѣляя съ ней общее ложе, окончательно позабывалъ, что я женатъ, и предавался своимъ юношескимъ грезамъ. Принцессы въ тяжелыхъ парчевыхъ платьяхъ, блѣднолиція дѣвушки, снѣдаемая жаждой мистической любви, златоволосыя и разрисованныя куртизанки—вновь посѣщали меня, еще болѣе пламенные, еще болѣе смѣлыя и утонченныя въ ласкахъ, и я вновь раздѣлалъ въ лучахъ ихъ любви, безумно предаваясь имъ душой и тѣломъ!

Повѣрьте также, что я не пренебрегалъ моимъ интеллектомъ за счетъ чувствованій... Наоборотъ, я тщательно культивировалъ его... Послѣ обѣда, — я, обыкновенно молчаливый—жена, обыкновенно ворчливая, мы переходили въ небольшую, убого меблированную комнатку, служившую намъ салономъ. Тамъ помѣщалось пресловутое піанино, изъ за котораго мы столько сеорились послѣ свадьбы. Здѣсь находились на каминѣ также бронзовые, вызолоченные часы, изображавшіе прощаніе Маріи Стюартъ, подъ глобусомъ. Но ничто,—ни жардиньерка изъ простого дерева, ни хромофотографіи, украшавшія стѣны, не вызывали во мнѣ ни раздраженія, ни обиды... Жена усаживалась за письменный столикъ изъ поддѣльнаго

Рис. Г. Струнке.

Въ Галици.

Рис. Г. К. Лукомскаго

розового дерева, за которым она сводила дневные счета; или же съ кислымъ упорствомъ штопала рваные носки и грязное бѣлье. Я располагался въ единственномъ Вольтеровскомъ креслѣ, обитомъ гранатовымъ репсомъ,—и, положивъ локти на ручки, вытянувъ ноги, устремивъ глаза на потолокъ, думалъ! Да, въ самомъ дѣлѣ, я думалъ! Пренебрегая суетной ученостью, я создавалъ новыя формы мышленія, воздвигалъ самыя смѣлыя философскія системы, и, зачастую, заставлялъ исторію, науку, литературу, мораль и религію вновь возвращаться къ своимъ первоисточникамъ... Когда я дойду до изложенія моихъ идей и сужденій, вы убѣдитесь, чего только я не разрушалъ, и чего

только я не возсоздавалъ; даже самъ изумлялся и почти пугался...

Иногда жену—я все еще зову ее этимъ именемъ—начинала раздражать эта тишина, нарушаемая порою только шумомъ проѣзжающаго по улицѣ экипажа, закрывающихся ставней лавки, или отдаленнаго гудка трамвая. И внезапно она съ бѣшенствомъ захлопывала ящикъ своего стола, и, швыряя яростно работу въ корзинку, восклицала:

— Неужели это жизнь?.. Нѣтъ... нѣтъ. Съ меня довольно, наконецъ! Я задыхаюсь... имѣть мужа, развалившагося какъ теленокъ въ креслѣ, и постоянно молчащаго! Но если ты развалина, если ты не спо-

Выставка союза русскихъ художниковъ.

Портретъ Г-жи Т.

И. И. Бродскій.

собень даже на ласку женѣ, такъ и слѣдовало сказать: Я больше не могу!.. не могу!..

И, такъ какъ я не отвѣчалъ:

— Но скажи же что-нибудь!.. Хоть что-нибудь... Ахъ! злосчастный!.. Онъ словно даже и не слышитъ. И никогда не выходитъ изъ дому... вѣчно словно преступница въ заточеніи... Ну-ка, скажи, съ тѣхъ поръ какъ мы женаты, что ты сдѣлалъ для меня?.. Что я здѣсь такое?.. Хуже чѣмъ прислуга, хуже чѣмъ на положеніи собаки?.. Съ прислугой говорятъ, собаку и ту ласкаютъ... Ты-же... ахъ, ты!.. но скажи же хоть слово... разозлись, пусть бы услышать твой голосъ!.. Ничего... Ничего!..

Потомъ она начинала метаться по комнаткѣ, натываясь на мебель.

— Нѣтъ... нѣтъ... это невозможно... Миѣ скучно... скучно!.. скучно!.. И, я чувствую, что отъ скуки я способна на преступленіе.

И въ изнеможеніи она падала снова въ свое кресло.

Я, не измѣняя нисколько положенія, ни моихъ рукъ, ни моихъ ногъ, ни моихъ глазъ, недвижно устремленныхъ на потолокъ, отвѣчалъ, медленно и тихо:

— Вамъ скучно, Розали? Это по вашей винѣ, а не по моей... Я здѣсь ни при чемъ. Я, никогда не скучаю, потому что весь міръ заключенъ во миѣ и все во миѣ! У васъ же ничего нѣтъ внутри... кромѣ васъ самой... Неудивительно, что вамъ скучно! Но поступайте какъ я. Перетряхните исторію... загляните въ глубь вѣковъ... Призовите на помощь любовь, мечту, красоту, радость... И вамъ не будетъ никогда скучно!

Въ эти минуты расплывшіяся черты ея лица принимали жесткое выраженіе... въ углахъ рта, на скулахъ, возлѣ глазъ, появлялись складки, углубленія, морщины, точно рѣзкіе штрихи чернаго карандаша и ея сѣрая кожа покрывалась красноватыми пятнами... Она ничего больше не говорила, потому что ей надо было сказать слишкомъ многое, отъ избытка словъ вздымалась ея плоская грудь, слова тѣснились безпорядочно у нея въ горлѣ, и словно заполняли отверстие рта своей компактной массою... И вихремъ она вылетала изъ салона, хлопая дверьми; запиралась затѣмъ у себя въ кухнѣ, гдѣ до полуночи вымещала гнѣвъ, предаваясь яростной чисткѣ кастрюль... Затѣмъ, успокоившись, она возвращалась въ спальню и ложилась возлѣ мѣся... а я, лежа подъ мечтательными сводами золотого ложа на пышномъ пурпурѣ, обнималъ съ пламенными возгласами моихъ восхитительныхъ возлюбленныхъ, и, случалось, до самой зари это жалкое, покинутое существо рыдало, рыдало, рыдало... Но странное дѣло... никогда это меня не трогало... Я не ощущалъ въ себѣ больше угрызений совѣсти и жуткой жалости, которая влекла меня къ ней въ первые дни нашей женитьбы!..

Каждое воскресенье мы ходили обѣдать къ родителямъ Розали. Они нисколько не мѣнялись, оставаясь все такими же тупыми и вульгарными и въ обстановкѣ ихъ не случалось никакихъ перемѣнъ, если не считать пустоты, водворившейся въ гостиной

послѣ исчезновенія пианино... Безъ сомнѣнія изъ самолюбія, жена моя не захотѣла посвящать ни отца, ни мать, въ наши семейныя дѣла... Они считали ее счастливницей и часто поговаривали:

— Сейчасъ видно, что ты глава въ домѣ... Впрочемъ, это и справедливо,—вѣдь твой мужъ—не орелъ, и это къ лучшему!..

Каждую недѣлю повторялась одна и та же сцена. Отецъ, плутовато разсматривалъ плоскій животъ, жалкій плоскій животъ своей дочери, и восклицалъ:

— Ну!.. Ну, чтоже!.. Все еще не округляется!.. Ахъ! чортъ побери, вы не торопитесь!..—И когда Розали опускала глаза.—Ну, чтожъ!.. пояснялъ онъ... Здѣсь нечего стыдиться!.. Стыдиться нечего!.. У меня, съ твоей матерью, съ перваго же мѣсяца!.. Но можетъ, теперь это ужъ не современно... А пожалуй, чортъ возьми, это и лучше?.. Въ наше время дѣтей воспитывать страшно дорого... да и радости никакой!.. Забавляйтесь себѣ!.. Забавляйтесь!

— А какъ дѣла, батюшка? спрашивалъ я, чтобы перемѣнить тему разговора.

— Дѣла? мой милый, совсѣмъ не идутъ... Никогда еще торговля не шла такъ скверно... Да и какъ вы хотите чтобы шли дѣла?.. Вотъ еще одного социалиста выбрали въ Палату!

— Да, прибавляла свекровь со злобнымъ видомъ... религіи больше нѣтъ! Семьи нѣтъ!

— Чортъ возьми!.. Ничего больше нѣтъ!.. А что я прочелъ сегодня въ газетѣ? Кажется Англія не дремлетъ!.. Она насъ прихлопнетъ, вотъ что... Правда? Точно у нея, у Англіи, дѣла плохи!

И послѣ того, какъ онъ сотый разъ въ вечеръ, констатировалъ что «дѣла не идутъ» и пойти не могутъ, мы шли домой!..

Выйдя на улицу:

— Видишь! говорила миѣ Розали... Какъ лестно слышать подобныя вещи отъ своихъ родителей. Но тебѣ—хоть бы что!..

Часами мы дожидались омнибуса на остановкѣ.

О! эти унылыя лица въ омнибусѣ! И эти глаза, глаза, глаза, со всею ихъ пустотою, со всею ихъ трагической пустотою.

Свекровь моя, существо вообще хилое, вдругъ заболѣла и умерла.

Умерла она какъ разъ въ тогъ моментъ, когда собирались позвать врача

— Пустяки... говорила она. Это просто несвареніе желудка... Что-то миѣ давить на животъ... Пустяки...

На что мой свекоръ отвѣчалъ успокоительнымъ тономъ:

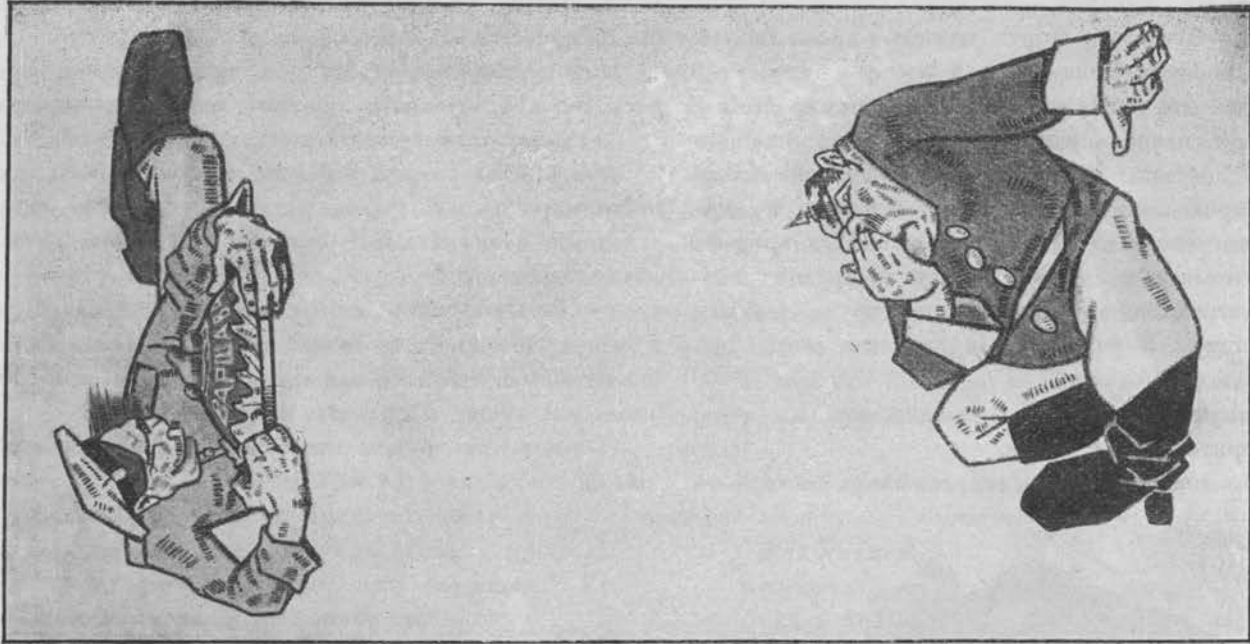
— Это вчерашніе бобы... Я тоже почувствовалъ, чортъ знаетъ что, поѣвъ ихъ... Конечно, пустяки!

Больной дали изрядное количество сахарной воды, и, по совѣту сосѣдской акушерки, нѣсколько ложекъ кастороваго масла. Ей становилось все хуже:

— Это пустяки!.. говорила она, поглядывая на насъ испуганно... Пустяки... Я чувствую какъ давить... Понятно пустяки!

— Нѣтъ, не пустяки!.. нѣтъ! утверждалъ я...

Рис. Гершина.

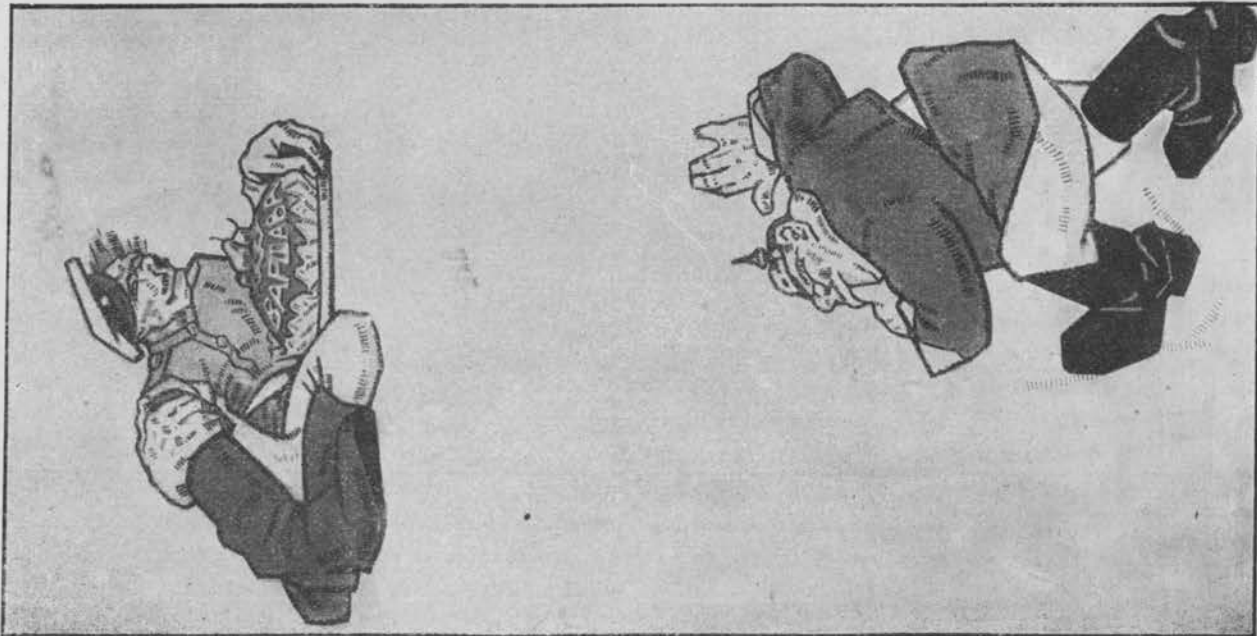

Я предви́дѣлъ, что дастъ. Такъ и есть.

К у л и ч ъ.

Далъ!

Должно быть вкусно! Попробовать—дастъ ли?
Навѣрно дастъ!

— Нѣтъ же... пустяки.—повторялъ свекоръ съ увѣренностью.—Пустяки!.. Чортъ возьми!—видно же что пустяки! Пройдутъ бобы—вотъ и все!

Однажды, это было въ субботу вечеромъ, помню вдругъ лицо свекрови измѣнилось... Ноздри зловѣще сжались... Костякъ лица рѣзко обозначился между черными провалами глазъ и щекъ. Взглядъ, не видѣвшій уже того, что видѣли мы, сдѣлался тревожнымъ и стекляннымъ... Она дышала съ трудомъ, еле-еле... По потемнѣвшему лбу катились крупныя капли ледяного поту... И уже почти не узнавая насъ, она съ усиленіемъ бормотала:

— Этопустяки...Повѣдемъ...въ... деревню...въ...дер...
Договорить она не могла.

— Какъ долго не проходить, замѣчалъ свекоръ съ

убѣжденнымъ упорствомъ... Со мной разъ тоже было, послѣ кривотокъ... Пустяки...

Онъ настаивалъ, чтобы она приняла рому, превосходно дѣйствующаго противъ всякаго несваренія.

— Какъ только приметъ рому,—тотчасъ пройдетъ... А я видѣлъ смерть у нея въ глазахъ. Смерть, уже обшнившую ее изголовье...

— Ей очень плохо!..—сказалъ я серьезно.—Позовите скорѣе врача.

— Да нѣтъ! нѣтъ же!—упрямился старикъ.—Зачѣмъ врача? Врачъ ее только напугаетъ... если бы ей было такъ плохо, какъ вы думаете, она бы, конечно, знала это лучше насъ!.. Это пустяки!

И когда она уже начала хрипѣть, онъ забеспокоился.

Рис. А. Эвечера.

— Въ самомъ дѣлѣ, кажется,—сказалъ онъ,—ей не очень-то хорошо... У нея странная физиономія... Хотя, конечно, нѣлпо, что застрявшіе гдѣ-то бобы причинили такую исторію...

Бобы, однако, не проходили... А свекровь отошла... Отошла съ еле слышнымъ глухимъ стономъ, безъ судорогъ, почти не шелохнувшись... Только пальцы ея слегка вдѣпились въ простыню... Отошла!.. Констатировавъ наконецъ, смерть, свекоръ воскликнулъ:

— Ахъ!.. скажите пожалуйста!.. Это ужъ черезъ чуръ! Ужъ черезъ-чуръ!.. Умереть отъ несваренія... Изъ за бобовъ, которые застряли... Это случается только со мною... Бѣдная Элоиза!..

И онъ бухнулся въ кресло, вдругъ охваченный глубокою скорбью и не менѣе глубокимъ изумленіемъ, повторяя прерывающимся голосомъ:

— Никогда бы я не повѣрилъ этому... никогда!.. Несвареніе изъ-за бобовъ!.. Это ужъ слишкомъ! Неужели же она умерла?.. Это невѣроятно...

Богъ видитъ насколько я всегда былъ равнодушенъ къ несчастному созданью... Меня даже не забавляло ея уродство... я не потѣшался надъ каррикатурной личностью, которую она изображала втеченіи всей жизни. Все ея существованіе всегда было настолько для меня незамѣтно, что, часто, представляя себѣ ея возможную смерть, я не испытывалъ ни малѣйшаго волненія...

Не все ли мнѣ было въ сущности равно—жива она или умерла, разъ я считалъ ее мертвой уже давнымъ давно. И вотъ, когда она испустила послѣдній вздохъ, я вдругъ почувствовалъ себя во власти огромной печали и огромнаго раскаянія,—печаль по ея утратѣ, раскаяніе въ своемъ равнодушіи. Не таинственная ли и непонятная вещь—смерть? За что бы я сталъ ее любить? И почему любилъ теперь?.. Ея неподвижное лицо, странно съжившееся и похолодѣвшее, ея закрытыя глаза, ея исхудалыя руки, вытиснутыя поверхъ простыни—все то невыносимо мрачное, неизъяснимо скорбное, что представляетъ изъ себя трупъ, даже трупъ кошки или крысы, все то, что скоро должно было развѣяться, исчезнуть, все это сжало мнѣ сердце такъ, словно я потерялъ что-то безумно дорогое, невыразимо прекрасное... Не зная почему, не пытаясь объяснить этого внезапнаго ощущенія, только потому что она больше не существовала, не шевелилась, я началъ открывать въ ней трогательныя добродѣтели, прекрасныя свойства... И я сталъ плакать, оплакивать ее обильными слезами... Плача по ней, я оплакивалъ себя, и то, что не увижу ее больше, оплакивалъ мою жену и свекра и сосѣдку, пришедшую одѣвать покойницу, оплакивалъ комнату, съ ея убогой обстановкой и жизнью, и все, и ничего!

Какъ сейчасъ вижу убогую гостиную, гдѣ всѣ трое, то распластавшись въ креслахъ, то въ объятіяхъ другъ друга, въ порывахъ внезапной нѣжности, провели остатокъ ночи, плача и восхваляя самыя обыденныя привычки, самыя необычныя качества покойницы.

— Бѣдная Элоиза!.. вздыхалъ свекоръ. Это была женщина—героиня, которую совсѣмъ не знали... Я

безъ нея былъ бы ничто... А теперь, когда она умерла, что со мной будетъ?

— Отецъ, отецъ!..—рыдала Розали.—Бѣдняжка отецъ... Что за ужасное несчастье!

— Остались только вы у меня, дѣти, только вы! О! вы и не подозреваете, что это была за женщина Элоиза... Какой у нея былъ изумительный умъ... хозяйство понимала какъ никто... такая бережливая... Къ тому же она была душа моихъ дѣлъ, моей торговли. У меня больше нѣтъ ни хозяйства, ни торговли, ничего, ничего... Ничего. Кромѣ васъ.

— И что это была за свекровь!.. восклицалъ я. Какое сокровище нѣжности. Какъ она насъ поддерживала!

— Она была такъ великодушна, такъ самоотверженна.

— Такая умница!

— Красавица!

— Думала только о другихъ! О себѣ постоянно забывала! Такая добрая къ бѣднымъ!

— Святая!

— Лучше чѣмъ святая: женщина!

— Ахъ! Господи!

Мы произносили все это не смѣясь, съ чувствомъ, съ искреннимъ паѳосомъ, кажущимся мнѣ теперь одновременно странно-комичнымъ и зловѣще-мрачнымъ... И еще страннѣе было, когда послѣ похоронъ изумительной, героической, великодушной и самоотверженной умницы свекрови, жена и я вернулись домой совершенно измѣнившіеся, настроенные возвышенно, да рѣшительно возвышенно.

— О! мой дорогой муженекъ,—воскликнула жена,—теперь мы должны любить другъ друга... Вѣдь жизнь—вещь столь преходящая.

— Да! да! моя дорогая женка... Будемъ любить другъ друга. Будемъ любить, прижмемъ другъ друга къ сердцу.

— Не будемъ никогда ссориться... Будемъ снисходительны къ нашимъ слабостямъ, недостаткамъ. Смерти не ждешь.

— Будемъ всегда любить другъ друга...

— Никогда не разстанемся...

— Всегда будемъ вмѣстѣ.

— Да! да! да!..

— О, знаешь, только передъ лицомъ несчастья понимаешь другъ друга...

— Будемъ любить... любить...

Раздавались торжественныя клятвы. Наше горе растаяло отъ такого восторга! Я нашелъ мою жену красавицей—такъ преобразила ее любовь!

Спустя два дня, я водрузился на своемъ мѣстѣ въ Вольтеровскомъ креслѣ въ гостиной, моя жена на своемъ мѣстѣ—за письменнымъ столикомъ изъ подѣльнаго розоваго дерева. Она ругала меня болѣе яростно чѣмъ когда-либо... И болѣе чѣмъ когда-либо равнодушный, молчаливый и задумчивый, и не слушалъ ее.

— Я не слушаю ее!..

Новое о Козьмѣ Мининѣ.

(изъ архивныхъ изысканій.)

До самаго послѣдняго времени не были точно установлены полное имя и фамилія Козьмы Минина. Въ 40 годахъ XIX столѣтія П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій) сдѣлалъ предположеніе, что знаменитый нижегородскій мясникъ-патріотъ назывался Козьма Захаревичъ Мининъ-Сухорукъ. Съ этимъ именемъ вошелъ Козьма Мининъ и въ знаменитую историческую хронику А. Н. Островскаго подъ тѣмъ же заглавіемъ. Такимъ образомъ, историческія данныя 40 годовъ прочно присвоили Козьмѣ Минину отчество Захаревичъ и фамилію Мининъ-Сухорукъ. 21 января текущаго года на засѣданіи Нижегородской Ученой Архивной Комиссіи предсѣдатель ея, А. Я. Садовскій, ознакомилъ членовъ Комиссіи съ выводами изъ самостоятельныхъ изысканій, касающихся Козьмы Минина. Къ выводамъ этимъ А. Я. Садовскій пришелъ послѣ изученія историческихъ документовъ нижегородскаго края.

Отнынѣ біографическія данныя о Мининѣ должны кореннымъ образомъ измѣниться. До выхода въ свѣтъ спеціального труда объ этомъ вопросѣ, мы, съ разрѣшенія докладчика, вкратцѣ ознакомимъ читателей съ плодами его изслѣдованій.

А. Я. Садовскій намѣтилъ къ разрѣшенію два слѣдующихъ вопроса:

- 1) Имѣлъ ли Козьма Мининъ особое прозвище или фамилію?
- 2) Кто былъ Козьма Захаревичъ Мининъ-Сухорукъ.

На первый вопросъ отвѣчаютъ: грамота царя Михаила Феодоровича о пожалованіи Минина думнымъ дворяниномъ въ 1613 г., а также грамота 1615 г., въ которой жалуются Минину вотчина въ селѣ Богородскомъ. Въ обѣихъ грамотахъ Козьма называется просто Мининымъ, т. е. сыномъ Мины, безъ какого-либо иного прозвища или фамиліи.

Точно также грамоты: 1615 г.—объ изыятіи сына, братьевъ и крестьянъ Козьмы Минина отъ суда, 1616 г.—о посылкѣ Минина для слѣдствія по случаю волненій среди казанскихъ инородцевъ, и того же 1616 г.—о пожалованіи вдовы Минина Татьяны и сына Нефёда вотчиной—все называютъ Козьму Минина только Мининымъ или Миничемъ (сыномъ Мины).

Наконецъ, на грамотѣ, посланной въ Польшу въ

1614 г., имѣется собственноручная подпись: думный дворянинъ Кузьма Мининъ.

Отъ документовъ общегосударственнаго характера обратимся теперь къ нижегородскимъ архивамъ.

Въ платежницѣ 1612 г. упоминается выборный человекъ Кузьма Мининъ. Въ смѣтномъ спискѣ 1615 г.—Козьма Мининъ, думный дворянинъ. Тѣ же упоминанія встрѣчаемъ въ смѣтномъ спискѣ 1619 г., въ писцовой книгѣ Лодыгина 1621 г., въ смѣтномъ спискѣ 1629 г., 1645, 1646 и 1648 годовъ, гдѣ говорится о Козьмѣ Мининѣ.

Три нижегородскія лѣтописи согласно называютъ Козьму просто Мининымъ.

Отчество Захаревичъ и фамилію Сухорукъ присоединили Минину, какъ мы уже говорили, въ 40 годахъ. Изслѣдователи основывались на купчей крѣпости 1612 г., гдѣ упомянутъ домъ Козьмы Захаревича Минина-Сухорука, находившійся на рѣкѣ Почайнѣ. Но изъ писцовой книги Лодыгина 1621 г. видно, что домъ на Почайнѣ принадлежалъ Лукѣ и Михаилу Сухоруквымъ, домъ же, принадлежавшій Козьмѣ Минину, находился, какъ извѣстно, въ Благовѣщенской слободѣ. Слѣдуетъ также замѣтить, что Козьма Захаревичъ Сухорукъ упоминается въ платежницахъ не однажды и при томъ гораздо позже кончины Козьмы Минина.

Возникаетъ недоумѣніе, почему Козьма Захаревичъ Сухорукъ назывался еще и Мининымъ?

Объясненіемъ этому можетъ служить тогдашній обычай давать прозвище не только по отцу, но и по дѣду. Дѣдомъ Козьмы Сухорука, былъ, повидимому, нѣкій Мина.

Приведенныя нами въ предыдущихъ строкахъ данныя устанавливаютъ неопровержимо три главнѣйшихъ вывода:

- 1) Козьма Захаревъ, сынъ Минина-Сухорука—не Козьма Мининъ, а совсѣмъ другое лицо.
- 2) Домъ въ Нижнемъ Новгородѣ на Почайнѣ принадлежалъ этому самому Сухоруку, а не Козьмѣ Минину. Отсюда купчая крѣпость 1612 г. на этотъ домъ, теряетъ свое значеніе, какъ не связанная съ именемъ Минина.
- 3) Настояшій, историческій Козьма Мининъ никакого другого прозвища или фамиліи не имѣетъ.

Борисъ Садовской.

Содержаніе.

«Голосъ», стихотвореніе. П. Соловьева (Аллего). — «Бѣлая Пасха», сказка. А. Ремизовъ. — «Звѣздочка-дѣвчонокъ», сказка. Вл. Гордиѣ. — «Другу», стих. А. Блокъ. — * * * Стихотвореніе. А. Ахматова. — «О томъ какъ преп. Павелъ рѣшилъ удалиться въ пустыню». Г. Чулковъ. — «Дѣти Дьявола». Борисъ Садовской. — «Шутка Апостола Фомы», С. Михайловъ. — «Отрывокъ изъ Мирбо», Пер. А. Чеботаревской. — «Новое о Козьмѣ Мининѣ». Б. Садовской.

На обложкѣ — «Пасхальный звонъ» — художника Гавриила Горьлова.

На основаніи закона 20 марта 1911 года перепечатка литературнаго и художественнаго матеріала настоящаго номера воспрещается.

12
КНИГЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ

(3-й годъ изданія)

4 руб.
въ годъ.

на ежемѣсячный литературный, научный и политический журналъ

«СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ»,

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ «Сверныя Записки» отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начало свободнаго развитія общестственности.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философіи, религіи, политики, народнаго хозяйства.

Всестороннее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ міровой борьбой—вотъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно этой задачѣ, «Св. Зап.» и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, социальную, психологическую, культурную и др. стороны разворачивающихся событій.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ достав. и пересыл. на годъ—4 р., 6 мѣс.—2 р. 50 к., 3 мѣс.—1 р. 25 к.

Принимается подписка: въ Главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный пр., 21/10; въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ. Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%.

Издательница С. П. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на новое иллюстрированное изданіе

„ЛѢТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

подъ редакціей Генералъ-Маіора Ф. Г. Игнатьева,
при участіи

Генерала-отъ-инфантеріи М. Н. Ботьянова

(по официальнымъ даннымъ, свѣдѣніямъ печати и показаніямъ очевидцевъ—участниковъ войны).

Съ картами, планами, портретами, изображеніями боевыхъ сраженій и рисунками изъ военнаго быта.

Изданіе печатается на роскошной бумагѣ большого альбомнаго формата и выходитъ еженедѣльными выпусками. Каждый выпускъ Лѣтописи содержитъ вполне законченную часть и состоитъ изъ двухъ отдѣловъ.

Первый выпускъ для ознакомленія высылается за 30 к. (по полученіи марокъ).

Подписка принимается пока только на 12 выпусковъ.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:—3 руб. съ пересылкой по всей Россіи. Допускается разсрочка въ 2 и 3 срока.

Деньги и требованія адресовать:

въ Главную контору

„ЛѢТОПИСИ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ НАРОДОВЪ“

Петроградъ, Владимирскій пр., д. № 7.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 г.

(7 годъ изданія)

на первый въ Россіи

большой еженедѣльный богато-иллюстрированный журналъ, посвященный

всѣмъ видамъ любительскаго спорта,

„Русскій Спортъ“,

Удостоенный **ВЫСОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ** (отношеніе министра Императорскаго Двора отъ 5-го сентября 1914 г. за № 10634) и награжденный на спортивной выставкѣ въ **МОСКВѢ ЗОЛОТОЙ** медалью.

Въ 1915 году журналъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: автомобилизмъ, атлетику (легкую и тяжелую), боксъ, борьбу, гимнастику, велосипедъ, воздухоплаваніе, водный спортъ (плаваніе, гребля), конскій спортъ, коньки, крикетъ, лаунъ-теннисъ, лыжи, охоту, хоккей, футболъ, фехтованіе и проч.

Основная задача журнала, помимо освѣдомленія читателей по всѣмъ областямъ спортивной жизни,—содѣйствія идейному руководству русскимъ спортивнымъ движеніемъ и распространенію здоровыхъ и истинныхъ взглядовъ на спортъ и на его роль въ дѣлѣ физическаго развитія и воспитанія. Поэтому главное вниманіе редакціи, на ряду съ информаций, будетъ удѣлено руководящимъ статьямъ по всѣмъ видамъ спорта и физическаго развитія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: Годъ—10 р., 6 мѣс.—6 р., 3 мѣс.—3 р., 1 м.—1 р. съ дос. и перес.

Допускается разсрочка годовой платы: при подпискѣ—4 р., къ 1 марту и 1 апрѣлю по 3 р.

Подписка принимается: въ главной конторѣ журнала—Москва, Б. Козихинскій п., № 8, и во всѣхъ книжн. магазинахъ.

Восьмой годъ изданія.

— Н О В Ы Й —

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ВСѢХЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ.

ЖУРНАЛЬ ВЫХОДИТЬ ЕЖЕМѢСЯЧНО

въ объемѣ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналѣ будетъ обращено особое вниманіе на: 1) Военно-Морской отдѣлъ, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо и 2) Отдѣлъ Художественный, подъ руководствомъ пом. хрв. музейевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова. Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальными рисунками, фотографіями, виньетками и карриатурами.

Для каждаго номера будетъ даваться новая иллюстрированная обложка.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы беллетристич., научно-популярн., критич. и художеств.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны **Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.**

Пробный номеръ высылается за двѣ 10 к. марки.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: съ перес. на годъ—2 р. 20 к., на 1/2 г.—1 р. 20 к. Безъ дост. на 1 г.—1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка—80 к. при подпискѣ, 80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 июля.

АДРЕСЪ ДЛЯ ПЕРЕВОДОВЪ:

Контора и Редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Эртелевъ пер. (близъ Жуковской), д. 3. Телеф. 107-88.

Редакторъ-Издатель А. Боане-Яворовская.

Цѣна 15 коп.

На станціяхъ жел. дор. 20 коп.

